

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Художник и предмет изображения: эстетика диалога

Калимулина Арина Рифхатовна

Студент

*Белорусский Государственный Университет, Философии и социальных наук, Минск,
Беларусь*

E-mail: arinasvetluplam@mail.ru

Диалог художника с предметом изображения по сути является взаимным проникновением изображающего и изображаемого, в результате которого происходит обогащение каждой из сторон и рождается новый мир – произведение искусства. Актуальность исследования диалога художника и предмета изображения обусловлена тем, что обращение к незавершенности «Я» художника, раскрытие причины его пристального всматривания в Другого, постижение способов духовного обогащения человека являются собой непреходящую ценность [6].

Чтобы подлинно стать собой, человек должен иметь возможность выходить за пределы упорядоченного и систематизированного им пространства, совершать своего рода духовный экскурс, состоящий в разворачивании бытия как такового: выявлении имеющихся в нем или привнесении своих собственных смыслов. Наблюдаемое при этом приращение бытия возможно только благодаря человеку и именно посредством того, что он совершает культурную экспансию, т.е. захватывает и возделывает окружающее его пространство (предметное, социальное, духовное), расширяет горизонты своего жизненного мира, выходит за пределы своего устойчивого состояния, своей сущности, наличной данности навстречу миру, другому человеку и находится на границе с ними (которая в культуре, по слова М.М. Бахтина, проходит везде) [1].

Анализ и постижение своих границ – одна из сущностных характеристик художника, на которой основываются потребности воссоздавать себя, постоянно обновляя запас знания, сохранять целостность в контактах с неизвестным и чуждым, непрерывно конституировать свой жизненный мир [2]. Подлинно стать самим собой для художника означает преодолеть свою самодостаточность, выступать за свои пределы навстречу миру и ближнему, обрести свободу, т.е. возможность выбора или отказа. Творение художника есть своего рода духовная экспансия, поскольку в наиболее общей форме предстаёт как движение, покидающее привычное, обжитое пространство, «как движение, уводящее из некоторого «у себя», в котором мы живем, в чуждое «вне-себя» [4].

При обращении к взаимодействию художника и предмета изображения необходим диалогический подход, в рамках которого первый видит в последнем собеседника и обращается к нему на Ты [3]. Предмет изображения уже не вмещается в рамки «объективной реальности» и перестает быть немым и пассивным. Диалог с ним является онтологическим, следовательно, должен рассматриваться не как банальный обмен репликами, но как бытие вдвоем, имеющее общую территорию и общую перспективу. Художник и предмет изображения «включаются в общую операцию, которую никто из нас двоих не создавал единолично» [5]. Их подлинная встреча осуществляется не через мир объектов, а в живом опыте восприятия, в котором предмет изображения выступает не как фрагмент мира, но как видение его. Феноменологически (а не объективно) понимаемый мир есть смысл, просвечивающий в пересечении опыта художника, внутренняя

связь между его телом и предметом изображения.

Эстетика диалога художника и предмета изображения проявляется в нераздельности чувствующего и чувствуемого, воспринимающего и воспринимаемого, видящего и видимого. Главной характеристикой такого диалога становится слитность видения с видящим телом. Диалог как со-гласие художника и предмета изображения – своеобразное сочленение и совокупность тел Бытия, совершающиеся через человека творящего.

Диалог художника с предметом изображения побуждает непрерывно искать новые способы приближения, чтобы состоялся глубинный взаимообмен с сущностью изображаемого, итогом которого должно стать полноценное встраивание Другого в Я. Триумф взаимного проникновения друг в друга влечет за собой множество последствий, главное из которых – событие обогащающего диалога. Выступая с собственным видением предмета, художник тем самым утверждает свою возможность овладения им, однако не посредством фронтальной саморепрезентации, а осторожным, доверительным постижением себя через соотнесение с ним. Научиться проникать во внеположенное так, чтобы в тайне иного бытия открывалось собственное, и позволяет диалог художника и предмета изображения, или, словами А. Маршана, «Я, может быть, пишу картины для того, чтобы возникнуть».

Литература

1. Аверинцев С., Давыдов Ю., Турбин В. и др. М. М. Бахтин как философ. М., 1992.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
4. Кривцун О.П. Переселение части меня в Другого. Диалог художника с предметом изображения // Человек. М., 2003. №3.
5. Мерло-Понти, М. Око и дух. М., 1992.
6. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.